

ВАЛЕНТИН СВИНИННИКОВ

БЕСЦЕНЕН ОПЫТ КЕДРОГРАДА

В декабре отпраздновал бы свое 50-летие Кедроград... Уже полвека... А кажется, было это только вчера. Летело над страной крылатое слово “Кедроград” – и тысячи романтиков откликнулись, устремились в глухую тайгу на Горный Алтай не “покорять природу”, а помогать ей. Увы, многие разочаровались довольно скоро. Но не все...

Название Кедроград придумал замечательный писатель, которого читатели “Нашего современника” знают хорошо. Это он, Владимир Чивилихин, на страницах журнала публиковал – со второй книги! – свой замечательный роман-эссе “Память”. Точнее, фрагменты из него, но касающиеся самой важной в те дни для исторической памяти народа даты: приближавшегося 600-летия битвы на Поле Куликовом. Как всегда в таких случаях, в нашей прессе, тогда еще “скрыто-либеральной”, но уже готовившей грядущую “перестройку”, плавно перешедшую в прямую измену и распад единого могучего государства, взметнулся вихрь публикаций на тему, каким “благоденствием для России было татаро-монгольское иго”. И дороги-то строили, и перепись населения провели, и вообще – “придите править нами, у нас порядка нет”, как высмеивал А. К. Толстой сторонников норманистов в бессмертной “Истории России от Гостомысла до Тимашева”. Только с переменной вектора западного на восточный. И, конечно, масла в огонь подливали исследования Льва Гумилева – как-никак ученый, серьезный. Против него-то и выступил Владимир Чивилихин, приводя в своей “Памяти” свидетельства других историков. Археологические раскопки убедительно доказывали, что в тех временных пластах земли на месте десятков русских городов – только угли пожарищ. Это следы того кровавого устрашающего нашествия, который Лев Гумилев обозначил всего лишь как “карательный поход” ордынцев...

Чивилихинская “Память” звала читателя в глубины родной истории, открывала, в частности, доселе неизвестные страницы героической обороны Козельска, не зря названного монголами “злым городом”. В ярких картинах и глубоких рассуждениях показывал писатель и мастерство наших пращуров использовать особенности родной природы, чтобы превратить малый город в настоящую крепость, и мужество защитников, которых могли взять только обманом, выманив из-за неприступных стен.

И сколько же тогда малоизвестных читателю имен ввел в оборот Владимир Чивилихин, о скольких открытиях рассказал, которые раздвигали исторические горизонты страны на тысячелетия!.. Помогали ему в этом... читатели с их взволнованными, заинтересованными откликами. Многие их письма Владимир Алексеевич прямо вводил в текст книги. Традиция эта продолжается: и Станислав Юрьевич Куняев оживленную переписку с читателем ведет,

и Александр Иванович Казинцев получил немало откликов на свой “Дневник современника”, стоило лишь обратиться напрямую...

А как не вспомнить в этот год с его жарким летом и разгулом пожаров на огромных пространствах Центральной России повесть Владимира Чивилихина “Елки-моталки”! Он ведь не просто героическую и умную работу “крылатых пожарных”, десантников, оберегавших леса России, показал. Он ярко, выпукло представил два противоположных отношения к жизни: работников на земле, готовых спасти от огня даже и гнездо глухарки с ее только появившимися на свет птенцами, – и потребителей-паразитов, вроде “интеллигентного” горожанина Евксентьевского. Таких “тунеядцев” тогда “ссылали” в таежные места на “перековку”. И я помню, как вдруг пришли в запустенье привычные в наших сибирских краях избушки-зимовья, где любой путник всегда мог найти запас дров, соль, спички, но и обязан был после ночевки возобновить по возможности эти запасы – для других...

Но не менее славен Владимир Чивилихин и своими тревожными, как набат, очерками в защиту природы. Он защищал и “Голубое око Сибири” – озеро Байкал, и наши южные черноземы, на которые надвигались суховеями Алешковские пески, и чистоту воздуха наших городов. А самые значительные его природоохранные публикации связаны именно с Кедрогоградом. Думаю, без его мощной поддержки в центральной печати, особенно в “Комсомольской правде”, могла бы и не состояться эта экологическая эпопея.

А начиналась она в Ленинградской лесотехнической академии, где студент-сибиряк со старинным именем Фотий-Фотей Шипунов (впрочем, в академии его знали как Сергея) “заразил” группу энтузиастов своей Мечтой (именно так, с большой буквы). Мечтой хозяйствовать в лесах в соответствии только с законами Природы! Более всего подходил для этой цели именно кедр. Наш, русский, сибирский кедр, который, в отличие, например, от ливанского, давал воистину хлебные плоды. Кедр, если его не губил преждевременно лесной пожар или, всего вернее, сам человек, мог 700–800 лет плодоносить и давать до двух миллионов шишек с чудо-зернами, в которых жирность больше, чем в любых других орехах, вплоть до грецких. Примечательная деталь: именно по кедрочам Сибири держали наши казаки-землепроходцы путь к Великому океану! Кедровники выбирали для стоянок и острожков, потому что хлеб ведь если и посеешь, дождешься ли урожая. А кедр – хлебное дерево. И золотое: на миллионы золотых рублей вывозили кедровое масло Сибири в Австралию, Новую Зеландию, Америку до революции. Нам и сейчас не помешало бы...

Символической стала организованная нами с кедрогоградцем Виталием Парфёновым посадка кедров в Свято-Троицкой Сергиевой лавре на рубеже тысячелетий в 2001 году. Сажая тогда свой кедр, Святейший Патриарх Алексей II сказал примерно следующее: лавра стоит на Русской Земле уже почти 700 лет, и кедр плодоносить может 700–800 лет; сажая кедров в лавре, вон на сколько лет заглядываем мы в будущее России!

Сибиряк Шипунов знал о кедре и многое другое. Об этом подробно и ярко рассказал Владимир Чивилихин в одном из очерков. Без того, чтобы полакомиться кедровыми орешками, и соболь приплоту не даст. Кедр всю таежную живность кормит. Именно в кедровых лесах находит покой марал в ту пору, когда наливаются алой кровью его рога-панты: ни гнус, ни ветры сюда не проникают. Смола кедра не только канифоль для смычковых инструментов дает, но и живицу, затягивающую любые раны. Вообще, брать от кедра только древесину – преступление перед природой.

Вот и надумали студенты: после выпуска поедем коллективом, в котором самые разные специалисты нацелены на одно – комплексно, по науке хозяйствовать в лесу и брать лишь столько, чтобы природа могла с лихвой восстановить. Чивилихин поддерживал их всей силой своего могучего таланта и писательского авторитета. Но... столкнулись-то энтузиасты с системой, которая науку если и признавала на словах, то и отвергала из-за сиюминутных интересов. “Стране нужен лес! Много леса длястроек, для восстановления разрушенного после войны хозяйства!” И попробуй возразить на это руководителям, которые призваны оберегать и развивать лесные богатства, но премии и ордена получали за выполнение и перевыполнение планов лесозаготовок. А что могло в этом смысле сравниться с “кубатурнистым” кедром?!

История Кедрогограда обстоятельно, на строго научной основе воссоздана последним из четырех побратимов-кедрогоградцев Виталием Феодосьевичем

Парфеновым в книге “Лесной бастион”. Книге, удостоенной премии Союза писателей России по разделу публицистики имени Э. Володина, а также Золотой медали Петровской академии науки и искусств. Знал Чивилихин, кому буквально за месяц до смерти передать свой кедрогородский архив и завещать: “Пиши. Никто, кроме тебя, этого не сделает”. Так что Кедрогород, загубленный в итоге чиновниками и превращенный в обыкновенный лесхоз, живет в слове. Оставил он след и в лесной науке: более двадцати диссертаций, кандидатских и докторских, защищено на его опыте. Ведь энтузиасты-кедрогородцы умудрились, при всех палках в их колеса, вывести хозяйство в рентабельные! Что особенно кололо глаза на фоне остальных, планово-убыточных. Хотя тогда, при плановой системе, это было почти невозможным: выполнишь план – тебе его на будущее автоматически повышают, с высоким процентом. А кедр может в один год сыпануть сразу на три “плана”, зато в другой, а то и два-три года подряд, на один прежний не наскребешь. Вот тогда и вырвали сопутствующие отрасли экспериментального хозяйства: охота, получение живицы и т. п.

Почему важно вспомнить юбилей Кедрогорода (полвека назад это экспериментальное комплексное хозяйство было наконец узаконено и приступило к работе)? Потому что эти люди, “богатыри, кованные из чистой стали”, говоря словами А. Герцена, обогнали свое время на десятилетия, прокладывая путь к новому, ныне всепланетному экологическому мышлению.

И не случайно один из них – Виталий Феодосиевич Парфенов возглавлял природоохранный департамент в правительстве России, участвовал в составе российской делегации в работе Конференции ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро. Этот саммит, собравший более 170 стран, принял очень важные документы, подписанные главами государств, в том числе президентом России Б. Н. Ельциным. Колоссальной важности факт: был признан тупиковым путь развития того технического прогресса, которым двигаются развитые страны. Тупиковым, потому что хищническое использование и истощение природных богатств на планете Земля грозит всеобщей гибелью. Причем отходы и вредные выбросы достаются всем землянам, а “сливки” – “золотому миллиарду”.

В эти юбилейные дни хочется низко поклониться каждому из четырех побратимов, поклявшихся в верности Кедрогороду: и Шипунову, и Чивилихину, и Телегину, и Парфенову. Фотей раньше других понял, что гибель Кедрогорода неизбежна и пытался перевести его под крыло научных учреждений. Не получилось, как не получилось из него директора-хозяйственника. И он покинул свое детище, работал помощником у академика А. Л. Яншина, написал книгу о монастырях России, документальную повесть “Великая замятня” (опубликованную в журнале “Наш современник”), а также изумительную, на 24-х страницах, брошюру о будущем России, предисловие к которой предпослал митрополит Виталий, иерарх Русской Зарубежной Православной Церкви. И похоронен-то Шипунов в Оптиной пустыни – честь, которой не всякий мирянин может быть удостоен...

О Чивилихине скажу еще лишь, что бороздил океан корабль с его именем на борту, что носит его имя одна из малых планет, что его память свято берегут сибиряки, открыв на его “малой родине” в Минусинске музей...

Николай Телегин, помогал Кедрогороду, чем мог, с министерских высот. Он способствовал тому, чтобы именно Чивилихин представлял страну на одном из первых экологических саммитов в Швеции. В итоге получились интереснейшие экологические размышления “Шведские останки”, вошедшие в книгу “По городам и весям”, удостоенную Государственной премии РСФСР. А Николай Телегин и умер, как в бою, во время острого выступления в министерстве...

Виталий Парфенов уходил из жизни последним из них. Чего стоило ему написать свой “Лесной бастион”, знают лишь несколько близких людей. Работу над книгой прерывал инсульт. А разве легко заново переживать все злоключения на пути к великой Мечте?! Достаточно напомнить, что однажды ему пришлось по сибирскому снежному бездорожью трижды за неделю преодолеть 70 километров, чтобы получить возможность связаться с Москвой и рассказать, как буквально травят Кедрогород. Над его территорией распылили тогда ядохимикаты, припасенные чуть ли не для всей тайги. Распылили под предлогом, что паводок может унести эту отраву в притоки Бии и Катуня. Фотей Шипунов, тогда директор хозяйства, сказал своему главному инженеру

и комсоргу: “Виталий, Москва требует немедленно предоставить документы. Я бросить хозяйство не могу. А кроме нас с тобой никто из ребят тайгой сейчас не пройдет. Решай сам!”.

...Спасло тогда Виталия чудо. Он окончательно выбился из сил уже совсем рядом с трассой. Его смог заметить только чуткий глаз алтайца-водителя, проезжавшего мимо грузовика. Тогда кожа на его ногах снималась чулком. А в Москве ни одна клиника не бралась лечить живого мертвеца – не портить же статистику. Невозможное сделать возможным смог только авторитет писателя Чивилихина! Он и потом уговорил Виталия на перевод в столицу: “Здесь ты будешь полезнее делу Кедрогграда!” А министр лесного хозяйства потом выговаривал Чивилихину: “Ты кого рекомендовал? Он уже одиннадцать месяцев не выходит из больницы”...

Виталий отплатил потом всей своей самоотверженной службой, своим гражданским мужеством в отстаивании Природы. Это он, будучи уже секретарем парткома министерства, добился, чтобы фильм Ф. Шипунова “Волга в беде” увидели сотрудники министерства. Потом это сказалось при решении злополучного вопроса о переброске вод северных рек в Каспийское море. (А показ этого документального фильма в зале “Правды” для журналистов пробивал Борис Миронов, тогда еще чуть ли не стажер “Правды”, это уж при Ельцине он стал “опальным министром печати”). Рассказал Виталий Парфенов в книге “Из рати подвижников” и о гражданском мужестве великого ученого, академика Александра Леонидовича Яншина, поставившего на карту весь свой авторитет в самый важный момент, когда решался в Совмине РСФСР вопрос о переброске вод северных рек на юг. Тогда первому заместителю Председателя Совета Министров РСФСР Ермину, собственно, нужно было только придать законность решению, принятому уже в Политбюро ЦК партии, согласованному на всех уровнях, включая Госплан СССР. А могущественное тогда министерство, второе после министерства обороны по бюджету и наличию техники, могло не только реки повернуть вспять, но и горы свернуть. После знаменательного выступления Яншина, тогда вице-президента АН СССР, Ермин придумал (наверное, рискуя собственной карьерой) замечательный ход: завернуть готовый документ... на доработку. Было выиграно время. А тут поднялись стеной и писатели России. Журнал “Наш современник” провел тогда “круглый стол”, где мнение подавляющего большинства участников – авторитетнейших ученых и писателей было единым: не подвергать родную природу столь безответственным экспериментам. И высокое партийное начальство вынуждено было согласиться с ними.

Спросите, при чем тут Кедрогград? Так ведь на примере его борьбы и выковывалось, получало общественное признание новое отношение к экологии – продолжение традиции, начатой “Русским лесом” Леонида Леонова, а еще раньше трудами ученых В. Докучаева, В. Вернадского. Уж как добивали Кедрогград, преследуя “этот детский сад” за малейшие сбои в выполнении планов, переселяя с обжитого места в другие края, где все приходилось начинать заново! Добили, в конце концов, превратив в рядовой лесхоз...

Виталий Парфенов, последний из побратимов-кедрогградцев, умер 1 сентября 2009 года. До последних дней сражался он за родную природу – теперь уже с новым, куда более страшным олигархическим режимом. В “Лесном бастионе” рассказал он, как загублена была росчерком чиновного пера некоего В. Юмашева, тогда руководителя Администрации президента России, идея устойчивого развития для страны, разработанная в духе “Декларации Рио”. Тогда документ, подготовленный видными учеными, стал бы неодолимой преградой для олигархов, стремившихся приватизировать богатства земных недр страны. Его и отправили “на доработку” и утопили в чиновных недрах. А для того, чтобы на следующем саммите в Йоханнесбурге отчитаться перед мировой общественностью и “сохранить лицо” России, собрали группу других ученых, которые изобразили нечто вроде протокола о намерениях, ни к чему не обязывающих. А пока время шло, олигархи получили то, что желали... Кстати, даже доклад академика Коптюга о саммите в Рио-де-Жанейро и его решениях был от широкой общественности скрыт – уж больно не вязались они с разгулом “дикого рынка” в России 90-х годов.

Помню, как удивлялись лесные ученые неожиданному всплеску внимания высшего руководства страны к лесным делам в январе 2007 года. Как? Наши леса уходят за рубеж по цене “кругляка”, по 4 доллара за кубометр, а на них,

после глубокой переработки, накручивают до 100 долларов! Почему-то вдруг на российских границах, по ту сторону, выросли деревообрабатывающие предприятия, и не только на Востоке... Да ведь об этом столько раз информация “наверх” уходила — и что?

Мы с Виталием Феодосьевичем только переглядывались. Накануне в журнале “Александр и К^о” была опубликована наша с ним беседа на эту тему. Примеры приводились хитро. Например, такой: в Ленинградской области по одним документам весь заготовленный лес ушел на свои стройки и нужды, по другим, не менее авторитетным, таможенным, он практически весь уходит... в соседнюю Финляндию. Где и леса на душу населения меньше, чем у нас, но свой-то лес финны берегут, поставляя нам прекрасную бумагу и мебель из нашего же сырья! Вероятно, “питерским” на глаза эта беседа попалась. Кроме наших скромных “каналов”, могли и “не питерские” подсунуть пред светлы очи — в пику. Как бы то ни было, но и пошлины на поставку леса подняли, и проблемой глубокой его переработки озаботились. Финны даже, обидевшись, стали чинить препятствия вступлению России в ВТО.

Кедроград... Как хорошо было бы возродить этот опыт, наладить хозяйствование по законам Природы, а не в духе призывов “не ждать милостей” от неё! И не только в кедровниках, и не только в лесах. Вот и засуха этого года показала — она не страшна тем, кто обрабатывал почву так, как курганский кудесник Мальцев. А леса — это же “легкие” планеты! И если бы люди знали, какими “кавернами” они уже пробиты по всей Земле... Только леса Бразилии, почти недоступные еще для рыночных хищников из-за многоводья, да наши “бореальные” (северные) леса Сибири щедро снабжают кислородом планету. Предрекают, что будущие войны на Земле вовсе не из-за нефти или газа будут — нехватка обыкновенной питьевой воды гораздо страшнее. А чем дышать будем, когда и наш “лесной бастион” оскудеет? Нет, бесценен опыт Кедрограда...